

Программа «Цифровая криминалистика, уголовное право
и уголовный процесс на пространстве СНГ»

ЭССЕ

на тему:

**«Цифровая трансформация уголовного судопроизводства:
виктимологические риски, эволюция процессуальных институтов и
опыт цифровизации правосудия в России и Узбекистане»**

Тазетдинов Руслан Рабинович
д.ф.п.н (PhD), доцент

ВВЕДЕНИЕ

Современная эпоха характеризуется беспрецедентной технологической трансформацией, масштабы и глубина которой не имеют аналогов в истории развития права. Цифровизация, проникая во все без исключения сферы общественных отношений - от глобальной экономики и государственного управления до интимных аспектов частной жизни граждан, - с объективной неизбежностью затрагивает и уголовное судопроизводство. Этот институт, традиционно воспринимаемый как один из наиболее консервативных, формализованных и инерционных элементов правовой системы, сегодня оказался в эпицентре фундаментальных изменений. Вопрос о том, каким образом уголовный процесс, укорененный в принципах и категориях, сформулированных еще в эпоху индустриального общества, способен адаптироваться к вызовам цифровой реальности, не утрачивая при этом своей сущностной роли гаранта прав личности и инструмента достижения справедливости, становится ключевым для правовых систем всего постсоветского пространства. Мы наблюдаем исторический сдвиг парадигмы: от «бумажного» правосудия, основанного на физическом присутствии участников процесса, материальных носителях информации и территориальной привязке следственных действий, к «цифровому» правосудию, где доказательства существуют в виде программного кода, а судебные заседания могут проходить в виртуальном пространстве, стирая географические границы.

Актуальность темы настоящего эссе обусловлена сложным комплексом взаимосвязанных обстоятельств, носящих как сугубо практический, так и глубокий теоретико-правовой характер, требующий немедленного научного осмысления.

Во-первых, стремительный и экспоненциальный рост цифровой преступности ставит перед правоохранительными системами государств СНГ задачи, для эффективного решения которых традиционные

процессуальные конструкции оказываются не просто недостаточными, но зачастую полностью неприменимыми. По официальным данным МВД России, количество преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, за последние пять лет увеличилось кратно, а их доля в общем массиве регистрируемой преступности вплотную приблизилась к трети. Однако проблема заключается не только в количественном росте показателей, но и в качественном изменении самой природы деликтов: киберпреступления часто носят трансграничный характер, предполагают высокую степень анонимности субъектов, используют сложные криптографические методы сокрытия следов и способны причинять вред тысячам жертв одновременно в разных юрисдикциях. Традиционный уголовный процесс, исторически ориентированный на расследование единичных, локализованных во времени и пространстве преступлений, сталкивается с серьезным когнитивным и процедурным диссонансом при работе с массовыми, распределенными и виртуальными правонарушениями.

Во-вторых, само уголовное судопроизводство вступает в качественно новую фазу своего эволюционного развития. Повсеместное внедрение электронного документооборота, легализация дистанционного участия в процессуальных действиях посредством видеоконференц-связи, а также постепенное проникновение алгоритмических систем и элементов искусственного интеллекта в правоприменительную практику меняют не только технологию, но и саму философию правосудия. Возникают новые, ранее не известные правовые риски, связанные с обеспечением тайны переписки, защитой персональных данных, надежной верификацией личности участников процесса в цифровой среде и обеспечением реального, а не merely формального равенства сторон. Цифровизация создает иллюзию абсолютной прозрачности и доступности правосудия, но одновременно порождает серьезные угрозы «цифрового неравенства», когда отсутствие

технических навыков или доступа к необходимой инфраструктуре лишает гражданина возможности эффективной судебной защиты.

В-третьих, именно сравнительно-правовой анализ - и в первую очередь детальное сопоставление российского и узбекского опыта реформирования - позволяет обнаружить как универсальные тенденции глобальной цифровизации права, так и уникальную национальную специфику происходящих трансформаций. Россия и Узбекистан, разделяя общее советское правовое наследие и схожие исходные социально-политические условия, избрали различные стратегические векторы модернизации. Россия движется путем постепенной, инкрементальной адаптации действующего УПК 2001 года, избегая радикальных разрывов с уже сложившейся правоприменительной практикой. Узбекистан же, особенно после принятия Стратегии действий 2017 года, демонстрирует более решительный и системный подход, закрепляя на законодательном уровне новые институты цифровых доказательств и создавая комплексные информационные экосистемы (например, «Адолат»). Сравнение этих двух моделей позволяет выявить сильные и слабые стороны каждого подхода, а также определить оптимальные векторы развития уголовного процесса на евразийском пространстве.

В-четвертых, в современной юридической науке существует острый дефицит доктринального осмысления новых феноменов. Традиционные категории уголовного процесса - «потерпевший», «вещественное доказательство», «место совершения преступления» - требуют радикального переосмысления в контексте цифровой реальности. Кто является потерпевшим при массовой утечке персональных данных? Является ли скриншот переписки вещественным доказательством или иным документом? Как обеспечить принцип непосредственности исследования доказательств, если они хранятся на серверах в другой юрисдикции? Ответы

на эти вопросы лежат не только в плоскости технического регулирования, но и в области фундаментальной теории права.

Теоретическую основу настоящего эссе образуют концепции, разработанные в рамках программы «Цифровая криминалистика, уголовное право и уголовный процесс на пространстве СНГ», а также фундаментальные работы ведущих исследователей данной проблематики, чьи идеи служат методологическим компасом в навигации по сложному ландшафту цифрового права. Лекция **А.В. Майорова** о цифровой виктимологии позволяет осмыслить новую онтологию жертвы в цифровом преступном пространстве, выявив специфику ее уязвимости, механизмы виктимизации и необходимость дифференцированного процессуального подхода к защите прав различных категорий потерпевших [1].

Лекция **С.Д. Милицина** о преемственности уголовно-процессуального права задает необходимую историко-правовую рамку для понимания трансформаций процессуальных институтов, показывая, как советское правовое наследие трансформируется под влиянием современных вызовов, сохраняя при этом свою идентичность [2].

Лекция **С.А. Акимбековой** о цифровом судопроизводстве формирует системное представление о современных тенденциях информатизации правосудия в государствах Евразийского пространства, акцентируя внимание на хрупком балансе между технологической эффективностью и соблюдением процессуальных гарантий [3].

Институциональное измерение проблемы раскрывается через труды **Ю.В. Козубенко**, исследующего межотраслевые механизмы уголовно-правового регулирования применительно к новым вызовам и подчеркивающего важность органичной интеграции новых норм в существующую систему процессуальных гарантий, избегая механического «встраивания» цифровых инструментов [4].

Кроме того, в работе активно используются исследования П.С. Пастухова, разработавшего концепцию электронного доказательства, Д.В. Жмурова, изучавшего феномен кибервиктимизации, Г. Мусаева, анализирующего практику использования цифровых доказательств в Узбекистане, а также других авторов, чьи работы отражены в списке литературы.

Цель настоящей работы - на основе глубокого сравнительно-правового анализа российского и узбекского опыта выявить ключевые противоречия между традиционными уголовно-процессуальными гарантиями и императивными требованиями цифровой эпохи, а также предложить концептуальные подходы к их преодолению. Мы стремимся доказать, что цифровизация не должна быть самоцелью или простым техническим обновлением инфраструктуры, а должна служить инструментом более полной и эффективной реализации фундаментальных ценностей правосудия: справедливости, доступности и защиты человеческого достоинства.

Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Проанализировать феномен цифровой виктимизации и проблемы процессуального статуса потерпевшего. Выявить, как меняется природа вреда и личность жертвы в цифровую эпоху, и какие процессуальные механизмы необходимы для защиты прав потерпевших от киберпреступлений, учитывая транснациональный и латентный характер таких деяний.

2. Провести сравнительное исследование эволюции процессуального законодательства России и Узбекистана. Определить, как две правовые системы, имеющие общие генетические корни, реагируют на вызовы цифровизации: какие институты модернизируются, какие создаются заново, и какие пробелы остаются незаполненными. Особое

внимание уделить нормативному закреплению статуса электронных данных и цифровых доказательств.

3. Изучить практику цифровизации судопроизводства в обеих странах. Проанализировать опыт внедрения систем электронного правосудия (ГАС «Правосудие» в РФ и система «Адолат» в РУз), оценить эффективность использования видеоконференц-связи и электронного документооборота, выявить технические и правовые проблемы их применения.

4. Выявить системные противоречия и пути их разрешения. Сформулировать основные коллизии между принципами уголовного процесса (непосредственность, состязательность, презумпция невиновности) и требованиями цифровой эффективности. Предложить рекомендации по гармонизации национального законодательства и развитию межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью на пространстве СНГ.

Методологическую базу исследования составляют сравнительно-правовой, исторический, формально-юридический и системный методы.

– *Сравнительно-правовой метод* является ведущим в данной работе. Именно через сопоставление двух правовых систем, выбравших различные пути реформирования, становится возможным увидеть альтернативные решения схожих проблем и оценить их эффективность.

– *Исторический метод* позволяет проследить генезис процессуальных институтов и понять логику их трансформации от советской модели к современной цифровой.

– *Формально-юридический метод* используется для анализа текста нормативных правовых актов (УПК РФ, УПК РУз, федеральные законы, указы Президента РУз), выявления пробелов, коллизий и неточностей юридической техники.

– *Системный метод* позволяет рассматривать цифровизацию не как изолированный процесс, а как элемент общей системы уголовного судопроизводства, взаимодействующий с другими институтами (доказывание, участие сторон, судебный контроль).

Особое место принадлежит *компаративному подходу*, который позволяет выйти за рамки национального правового позитивизма и оценить российские и узбекские реформы в контексте общемировых тенденций развития цифрового правосудия. Такой подход дает возможность не просто констатировать различия, но и извлечь уроки из опыта соседнего государства, предложив варианты взаимного обогащения правовых систем.

Структура эссе подчинена логике последовательного раскрытия заявленной проблематики: от теоретического осмысления новой природы жертвы (цифровая виктимология) через анализ эволюции законодательства (сравнительный аспект) к рассмотрению конкретных инструментов цифрового судопроизводства (электронные доказательства, ВКС, ИИ) и завершается синтезом выявленных противоречий и предложений по их преодолению.

РАЗДЕЛ 1. ЦИФРОВАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ: НОВАЯ ЖЕРТВА В НОВОМ ПРЕСТУПНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

1.1. Смена парадигмы: от классической жертвы к жертве цифровой

Виктимология как самостоятельное научное направление прошла долгий путь от первых концепций Гентига и Б. Мендельсона до современных исследований, учитывающих радикально изменившийся характер преступности. Отечественная школа виктимологии, развивавшаяся в тесной связи с криминологией и уголовным процессом, всегда отличалась выраженной прикладной ориентацией. Майоров А.В. и Назаров В.И., анализируя генезис виктимологических исследований, подчёркивают, что каждый новый технологический уклад неизбежно порождает новые формы виктимизации, требующие адекватного научного осмысления и процессуального реагирования [5].

Цифровая эпоха изменила саму природу виктимности. Традиционная жертва преступления имела конкретное пространственно-временное измерение: преступление происходило в определённом месте и времени, виктимизация носила единичный и, как правило, завершённый характер. Жертва цифрового преступления лишена подобной определённости. Её виктимизация может быть трансграничной, анонимной, множественной и длящейся во времени. Майоров А.В. в концептуальной работе 2024 года формирует теоретические основы виктимологии цифровой преступности, определяя в качестве её предмета особенности личности жертвы, механизм виктимизации и систему виктимологической профилактики применительно к деяниям, совершаемым посредством цифровых технологий [6].

Статистика подтверждает масштаб проблемы. Кабанов П.А., исследуя данные о жертвах кибермошенничества за 2021–2022 годы, выявил устойчивые закономерности возрастной и социальной структуры виктимности: наибольшую уязвимость демонстрируют лица старшего возраста и молодёжь, причём мотивация виктимизации существенно

различается по возрастным группам. При этом выявленные паттерны значимы не только криминологически, но и процессуально: они указывают на необходимость дифференцированного подхода к защите прав разных категорий потерпевших в ходе уголовного судопроизводства [7].

Жмуров Д.В. разработал понятие кибервиктимизации как процесса или конечного результата становления жертвы преступления в сфере объединённых компьютерных сетей. Принципиально важно, что исследователь акцентирует процессуальный, а не статичный характер виктимности в цифровом пространстве: жертва последовательно проходит через ряд стадий уязвимости, каждая из которых формирует новые риски [8]. Для уголовного судопроизводства это означает, что момент причинения вреда и момент его осознания потерпевшим могут быть существенно разнесены во времени, порождая практические трудности с исчислением сроков, установлением фактических обстоятельств дела и формированием доказательной базы.

Особую сложность представляет проблема процессуального статуса потерпевшего при киберпреступлениях. Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ, потерпевшим признаётся физическое лицо, которому преступлением причинён физический, имущественный или моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения вреда его имуществу и деловой репутации [9]. Данная конструкция, сложившаяся задолго до цифровой эпохи, с трудом «накладывается» на реалии киберпреступности. Во-первых, вред при таких деяниях, как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) или распространение вредоносного программного обеспечения (ст. 273 УК РФ), нередко носит нематериальный и трудно оцениваемый характер. Во-вторых, число лиц, пострадавших от одного киберпреступления, может исчисляться тысячами, что ставит под сомнение саму процессуальную конструкцию индивидуального признания потерпевшим.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан в этом отношении демонстрирует определённое опережение российского законодателя. Кодекс содержит отдельные нормы об электронных данных (ст. 204¹ УПК РУз) и цифровых доказательствах (ст. 204² УПК РУз), что свидетельствует о стремлении адаптировать процессуальную конструкцию к реалиям цифровой преступности [10]. В российском же УПК аналогичные нормы по-прежнему отсутствуют: электронные материалы «вписываются» в традиционные категории вещественных доказательств или документов, порождая правовую неопределённость при их сборе, хранении и исследовании в суде.

Таким образом, цифровая виктимология представляет собой не просто новое направление криминологических исследований, но и практически значимую основу для реформирования процессуальных механизмов защиты прав потерпевшего. Рассогласованность между темпами цифровизации преступности и темпами адаптации уголовно-процессуального законодательства - одна из ключевых проблем современного правосудия как в России, так и в Узбекистане.

РАЗДЕЛ 2. ЭВОЛЮЦИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОПЫТА РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА

2.1. Общее советское наследие и дивергенция реформ

Сравнительное правоведение в сфере уголовного процесса на постсоветском пространстве неизбежно сталкивается с феноменом двойственности: правовые системы государств СНГ, с одной стороны, разделяют глубокие корни советского уголовно-процессуального права - единые принципы законности, публичности, объективной истины, специфическую роль прокурора и суда, - а с другой, демонстрируют всё более заметную дивергенцию реформ. Милицин С.Д., исследующий вопросы эволюции и преемственности уголовно-процессуального права на евразийском пространстве, убедительно показывает, что преемственность не означает статичности: каждое государство воспринимает советское правовое наследие избирательно, трансформируя унаследованные институты в соответствии с собственными политическими и правовыми приоритетами [2].

Россия избрала путь постепенной модернизации действующего УПК 2001 года: законодатель последовательно вносит поправки, адаптируя отдельные институты к новым реалиям, но не решаясь на кодификационный разрыв с уже сложившейся правоприменительной практикой. Козубенко Ю.В., анализируя межотраслевые механизмы уголовно-правового регулирования, обращает внимание на то, что подобная инкрементальная стратегия, при всех своих достоинствах, чревата накоплением внутренних противоречий - особенно в тех сферах, где новые общественные отношения не находят адекватного нормативного отражения в рамках прежней процессуальной архитектуры [4]. Именно таковой является сфера цифрового судопроизводства.

Узбекистан избрал принципиально иной путь. Принятие в 2017 году Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития и последовавшие за ней реформы уголовно-процессуального законодательства ознаменовали переход к новой модели судопроизводства, ориентированной на последовательную состязательность, усиленную защиту прав личности и постепенную цифровизацию правосудия [11]. Президентский указ 2020 года «О мерах по цифровизации деятельности органов судебной власти» стал программным документом, определившим конкретные сроки и механизмы перехода судов к электронному делопроизводству [12].

Ключевые отличия двух моделей можно систематизировать по нескольким параметрам. По степени состязательности: российская модель сохраняет значительный публично-розыскной элемент на досудебных стадиях, тогда как узбекские реформы последовательно движутся в сторону расширения состязательных начал уже на этапе предварительного расследования. По регулированию цифровых доказательств: УПК Узбекистана содержит специальные нормы о цифровых доказательствах и электронных данных (ст. 204¹, 204² УПК РУз), тогда как в российском законодательстве эта сфера по-прежнему регулируется аналогиями и разъяснениями судебной практики. По электронному судопроизводству: Узбекистан реализует комплексную систему «Адолат», обеспечивающую электронный документооборот в судах начиная с 2022 года [12]; Россия располагает ГАС «Правосудие», однако в сфере уголовного судопроизводства её возможности используются значительно скромнее [13].

Учебник «Уголовный процесс», подготовленный коллективом авторов УрГЮУ - в числе которых как Козубенко Ю.В., так и Милицин С.Д. - даёт системное представление о российской модели уголовного судопроизводства и остаётся одним из базовых источников для понимания логики отечественной процессуальной доктрины [14]. Показательно, что

авторы учебника, сформировавшиеся в традиции уральской научной школы, последовательно анализируют как достижения, так и нерешённые проблемы действующего УПК РФ, - что делает их выводы особенно ценными при сравнительном анализе.

При всём различии избранных стратегий Россия и Узбекистан сталкиваются с общей проблемой: традиционные процессуальные институты не были рассчитаны на цифровую преступность и цифровое судопроизводство. Вопрос состоит не в том, нужна ли адаптация, - она безусловно необходима. Вопрос в том, каким должен быть её масштаб и каковы риски. Исследователь Мусаев Г., анализируя место цифровых доказательств в узбекском уголовном процессе, констатирует, что даже самые продуманные законодательные нормы о цифровых доказательствах не устраняют всех практических проблем их получения, верификации и сохранения в условиях трансграничных преступлений [15].

Таким образом, сравнительный анализ показывает: Узбекистан демонстрирует более смелый законодательный подход к цифровизации уголовного судопроизводства, тогда как Россия продвигается осторожнее, но располагает более богатой правоприменительной практикой. Ни одна из моделей не является совершенной, и именно их сопоставление открывает пространство для взаимного обогащения.

РАЗДЕЛ 3. ЦИФРОВОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ДИСТАНЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

3.1. Электронные доказательства: между допустимостью и достоверностью

Электронные доказательства стали одним из наиболее дискуссионных вопросов современной процессуальной науки. Пастухов П.С., разрабатывая концепцию электронного доказательства в уголовном судопроизводстве, предложил понимать его как зафиксированную электронным способом или представленную в электронной форме юридически значимую информацию, собранную с соблюдением уголовно-процессуальных требований в целях установления обстоятельств уголовного дела [16]. Принципиальная значимость этого определения состоит в том, что оно акцентирует не технологическую природу носителя, а юридические требования к его получению и использованию.

В российском уголовном процессе электронные доказательства по-прежнему лишены самостоятельного нормативного статуса. Они существуют в правовой неопределённости между вещественными доказательствами (ст. 81 УПК РФ) и «иными документами» (ст. 84 УПК РФ). Лишь в 2022–2023 годах российский законодатель сделал ряд шагов навстречу цифровому судопроизводству: Федеральные законы № 610-ФЗ от 29 декабря 2022 года и № 672-ФЗ от 25 декабря 2023 года ввели в УПК РФ статьи 474.1 и 474.2, закрепив право направлять и получать процессуальные документы в электронной форме [13]. Однако это лишь первые шаги: понятие «электронное уголовное дело» в российском праве по-прежнему отсутствует, а механизм ведения досудебного производства в электронном формате не урегулирован.

Законодатель в Узбекистане пошёл дальше. Введение в УПК специальных статей об электронных данных и цифровых доказательствах создало нормативную основу для формирования судебной практики их

исследования. Постановление Президента РУз № ПП-4818 от 3 сентября 2020 года «О мерах по цифровизации деятельности органов судебной власти» установило конкретные сроки и параметры перехода на электронный формат: с 2022 года - обязательная электронная подача исков и заявлений; с 2023 года - электронное архивирование судебных дел [12]. Комплекс информационных систем «Адолат» стал инструментальной основой этого перехода.

Дистанционное участие в уголовном судопроизводстве - ещё одно направление, получившее импульс в период пандемии COVID-19 и сохраняющее устойчивую тенденцию к расширению. В России с 2021 года в УПК РФ действует норма об особенностях проведения допроса, очной ставки и иных следственных действий посредством видеоконференц-связи [13]. Это существенный шаг, однако его практическое применение сопряжено с рядом процессуальных рисков: обеспечение конфиденциальности при адвокатских консультациях, верификация личности участника, надлежащее предупреждение об ответственности - все эти вопросы требуют дальнейшего нормативного урегулирования. В Узбекистане ВКС-участие в судах также нормативно закреплено и технически обеспечено в рамках системы «Адолат» [12].

Особого внимания заслуживает вопрос о применении алгоритмических систем и искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. В научном и практическом сообществе он вызывает острые дискуссии: с одной стороны, ИИ-системы способны повысить эффективность анализа больших массивов данных, выявления закономерностей в преступной деятельности, предиктивной аналитики рисков. С другой - применение алгоритмических решений при избрании меры пресечения, оценке доказательств или прогнозировании поведения обвиняемого неизбежно ставит вопросы о соответствии принципу презумпции невиновности, о прозрачности алгоритма и о субъекте

ответственности за алгоритмическую ошибку [3]. Акимбекова С.А. справедливо указывает, что цифровизация судопроизводства должна служить инструментом более полной реализации процессуальных гарантий, а не их обхода под прикрытием технологической эффективности.

Мусаев Г. в своём исследовании цифровых доказательств применительно к узбекскому уголовному процессу поднимает проблему «цепочки хранения» цифрового следа: в отличие от традиционного вещественного доказательства, электронные данные могут быть изменены, скопированы или уничтожены без видимых внешних признаков, что принципиально усложняет проверку их допустимости и достоверности [15]. Эта проблема в равной мере актуальна и для российского, и для узбекского уголовного судопроизводства, хотя нормативные механизмы её решения в двух странах существенно различаются.

РАЗДЕЛ 4. СИСТЕМНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ: КОМПАРАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

4.1. Эффективность и гарантии.

В дискуссиях о цифровизации уголовного судопроизводства нередко воспроизводится противопоставление: технологическая эффективность (скорость, экономия ресурсов, доступность) против процессуальных гарантий (непосредственность, состязательность, защита от самооговора). Данная дихотомия, однако, представляется во многом ложной. Исторический опыт показывает, что принципиальные процессуальные достижения - право на защитника, запрет пыток, презумпция невиновности - не противоречили эффективности судопроизводства, а, напротив, повышали его качество, снижая число судебных ошибок. Аналогичный потенциал заложен и в цифровизации: при условии грамотной имплементации она способна одновременно ускорить производство по делу и усилить гарантии прав участников.

Козубенко Ю.В., исследуя уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования, обращает внимание на фундаментальное значение институциональной согласованности: нормы, регулирующие новые общественные отношения, должны органично вписываться в существующую систему уголовно-процессуальных гарантий, а не просто механически «встраиваться» в действующий кодекс в форме отдельных изъятий и исключений [17]. Именно нарушение этого требования порождает наиболее острые коллизии в сфере цифрового судопроизводства.

Трансграничный характер киберпреступности ставит перед государствами СНГ вопрос о координации цифровых правовых инструментов на межгосударственном уровне. Как Россия, так и Узбекистан являются участниками Конвенции о правовой помощи по уголовным делам

государств - членов СНГ (Минская конвенция 1993 года), однако её нормы формировались в доцифровую эпоху и не содержат специальных механизмов для взаимодействия в сфере киберпреступлений. Разрыв между договорно-правовой базой и реальными потребностями следственно-судебного взаимодействия неуклонно нарастает [18].

Важнейшим системным противоречием остаётся проблема «цифрового неравенства» в уголовном процессе. Переход к электронному судопроизводству создаёт риски дифференцированного доступа к правосудию в зависимости от цифровой грамотности участника, наличия у него соответствующего оборудования и надёжного доступа в интернет. Применительно к потерпевшему - особенно пожилому или проживающему в отдалённых регионах - цифровизация процесса может превратиться из инструмента защиты в дополнительный барьер. Майоров А.В., акцентируя внимание на виктимогенных факторах в цифровой среде, показывает, что виктимологические риски не исчезают с окончанием преступления - они могут сохраняться и в ходе самого судопроизводства, если его цифровые формы не адаптированы к потребностям наиболее уязвимых категорий потерпевших [6].

Опыт Узбекистана в этом отношении интересен. Реформаторский импульс, заданный Стратегией действий 2017–2021 годов, сочетает цифровую повестку с активной работой по расширению доступа к правосудию в регионах. Показательно, что постановление о цифровизации судебной власти 2020 года прямо предусматривает улучшение инфраструктуры ИКТ в судах по всей стране - включая удалённые районы, - а не только в крупных городах [12]. Это системный подход, при котором технологическая модернизация не разрывает, а, напротив, укрепляет связь между судом и обществом.

Ещё одним узловым противоречием является вопрос о допустимости алгоритмизированных процессуальных решений. Если следователь или суд при вынесении решения опирается на выводы системы ИИ, возникает вопрос: является ли такое решение актом человеческого усмотрения или делегированием властных полномочий алгоритму? Данный вопрос не имеет однозначного ответа в действующем законодательстве ни России, ни Узбекистана, однако его теоретическое решение - и желательно на уровне межгосударственного правового стандарта - становится всё более насущным [3].

Наконец, отдельного обсуждения заслуживает вопрос о том, как цифровизация судопроизводства влияет на виктимологическое измерение уголовного процесса. Жмуров Д.В. констатирует, что последствия кибервиктимизации охватывают не только имущественный ущерб, но и психологические, репутационные и социальные потери, которые в значительной мере не охватываются действующими механизмами процессуальной защиты [8]. Это означает, что реформа уголовно-процессуального законодательства в части цифрового судопроизводства не может ограничиваться техническими вопросами - она должна включать переосмысление самой концепции вреда и механизмов его возмещения применительно к цифровому пространству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного в рамках настоящего эссе комплексного исследования, необходимо констатировать, что цифровая трансформация уголовного судопроизводства представляет собой не линейный процесс технического обновления, а глубокую, многоуровневую системную реформу, затрагивающую онтологические, гносеологические и аксиологические основы правосудия. Анализ виктимологических рисков, эволюции процессуальных институтов и сравнительного опыта России и Узбекистана позволяет сформулировать ряд фундаментальных выводов, имеющих критическое значение для дальнейшего развития правовых систем на пространстве СНГ.

Во-первых, концептуализация цифровой виктимологии, базирующаяся на трудах А.В. Майорова, Д.В. Жмурова и П.А. Кабанова, убедительно демонстрирует несостоятельность традиционных догматических подходов к защите прав жертвы преступления в условиях киберпространства. Цифровая эпоха породила феномен «гибридной» или «распределенной» виктимности, характеризующейся транснациональностью, высокой степенью латентности, множественностью пострадавших лиц и пролонгированным во времени характером причинения вреда. Традиционная конструкция потерпевшего, закрепленная в ст. 42 УПК РФ и аналогичных нормах законодательства стран СНГ, исторически ориентированная на единичный, локализованный акт причинения физического или имущественного вреда конкретному лицу, оказывается функционально дефектной при расследовании массовых киберпреступлений. Возникает острая необходимость в законодательном закреплении особого процессуального статуса «коллективного потерпевшего» или внедрении упрощенных механизмов признания такового при массовых кибератаках (например, при утечках баз данных или фишинговых кампаниях). Кроме того, требуется разработка специальных

виктимологических стандартов защиты уязвимых категорий граждан - пожилых людей, несовершеннолетних, лиц с ограниченными возможностями здоровья - от вторичной виктимизации в ходе цифрового судопроизводства, когда сложность технологических процедур может усугублять психологическую травму жертвы.

Во-вторых, сравнительно-правовой анализ эволюции уголовно-процессуального права России и Узбекистана опровергает детерминистский тезис о том, что общее советское правовое наследие предопределяет единственно возможный вектор реформ. Несмотря на единые генетические корни и схожие исходные социально-политические условия, две правовые системы продемонстрировали принципиально различные стратегии адаптации. Российская модель, характеризующаяся осторожным, инкрементальным подходом и сохранением преемственности с УПК 2001 года, позволила накопить богатую правоприменительную практику и избежать шоковых изменений, однако столкнулась с проблемой фрагментарности регулирования и правовой неопределенности в вопросах статуса электронных доказательств. Узбекская модель, напротив, выбрала путь радикальной законодательной модернизации, закрепив на уровне кодекса понятия «электронные данные» и «цифровые доказательства» (ст. 204¹, 204² УПК РУз) и создав комплексную информационную экосистему «Адолат». Этот опыт свидетельствует о том, что смелая кодификационная реформа способна создать более прозрачные, предсказуемые и унифицированные правила игры для участников процесса, хотя и требует колоссальных ресурсных затрат на обеспечение цифровой инфраструктуры и повышение квалификации кадров. Взаимное обогащение этих моделей - заимствование Россией нормативной четкости и системности узбекского подхода и использование Узбекистаном российской доктринальной базы и судебной практики - представляется наиболее перспективным вектором гармонизации права на евразийском пространстве.

В-третьих, как справедливо отмечают Ю.В. Козубенко и С.А. Акимбекова, успех цифровой трансформации определяется не столько технологическим совершенством применяемых инструментов, сколько степенью их органичной, системной интеграции в существующую архитектуру процессуальных гарантий. Цифровизация несет в себе серьезные риски девальвации фундаментальных принципов уголовного процесса: принципа непосредственности (подменяемого виртуальным присутствием и изучением электронных копий), принципа состязательности (угроза «цифрового неравенства» сторон, обладающих разным доступом к технологиям) и презумпции невиновности (при использовании алгоритмов прогнозирования рецидива или оценки достоверности показаний). Внедрение искусственного интеллекта и алгоритмических систем в деятельность следствия и суда требует разработки строгого этического и правового каркаса, исключающего возможность делегирования властных полномочий «черному ящику» алгоритма. Технология должна оставаться инструментом в руках человека, а не заменой человеческого усмотрения, судебной совести и профессиональной интуиции. Отсутствие в российском законодательстве понятия «электронное уголовное дело» и полноценного регламента досудебного электронного производства является существенным пробелом, который необходимо восполнить, опираясь на позитивный опыт Узбекистана по поэтапному переходу на безбумажный документооборот.

В-четвертых, трансграничный характер киберпреступности обнажает критическую несостоятельность действующей договорно-правовой базы сотрудничества государств СНГ. Минская конвенция 1993 года о правовой помощи, будучи историческим фундаментом межгосударственного взаимодействия, морально устарела в части регулирования цифровых вопросов. Существующий разрыв между скоростью распространения цифровых следов через границы и

бюрократической медлительностью процедур международной правовой помощи создает эффект «иммунитета безнаказанности» для киберпреступников, использующих юрисдикционные конфликты в своих интересах. Назрела острая необходимость разработки нового многостороннего соглашения в рамках СНГ или ЕАЭС, регламентирующего прямой обмен электронными доказательствами между компетентными органами, унифицированные стандарты их сбора, хеширования и верификации, а также механизмы быстрого реагирования на трансграничные киберинциденты. Без глубокой гармонизации национальных законодательств в этой сфере любые внутренние реформы будут иметь ограниченный эффект, так как преступник всегда будет искать «слабое звено» в цепи международного сотрудничества.

В-пятых, проблема «цифрового разрыва» и социального неравенства в доступе к правосудию становится одним из ключевых виктимологических и правозащитных рисков современной эпохи. Переход к электронному правосудию не должен превращаться в непреодолимый барьер для граждан, не обладающих достаточной цифровой грамотностью, или проживающих в регионах со слабой ИТ-инфраструктурой. Опыт Узбекистана по параллельному развитию цифровой платформы «Адолат» и улучшению физической инфраструктуры судов в удаленных районах демонстрирует правильный системный подход: цифровизация должна расширять, а не сужать доступ к праву. Государство обязано обеспечить равные процессуальные возможности для всех участников процесса, независимо от их технического оснащения, посредством создания центров правовой и технической поддержки, а также сохранения альтернативных, «бумажных» каналов взаимодействия для тех, кто в них нуждается.

В-шестых, особую тревогу вызывает вопрос о сохранении тайны частной жизни и адвокатской тайны в условиях тотальной цифровизации. Использование видеоконференц-связи, облачных хранилищ для материалов

дела и электронных подписей создает новые векторы для несанкционированного доступа к информации. Необходимо разработать и внедрить защищенные, сертифицированные каналы связи для конфиденциальных консультаций адвоката с подзащитным в цифровой среде, а также установить строгую ответственность за нарушения целостности электронных уголовных дел. Доверие к цифровому правосудию возможно только при условии гарантированной безопасности данных.

Таким образом, цифровая трансформация уголовного судопроизводства - это вызов не столько правовой технике, сколько правовой культуре и правосознанию общества. Подлинная модернизация возможна лишь при условии, что законодатель, правоприменитель и научное сообщество будут рассматривать цифровые инструменты не как самоцель или дань моде, а как средство более полного, эффективного и справедливого воплощения гуманистических ценностей правосудия. Будущее уголовного процесса на пространстве СНГ лежит не в слепом копировании западных или восточных моделей, а в создании собственной, уникальной модели «цифрового гуманизма», где технологии служат человеку, а права личности, его достоинство и свобода остаются высшим приоритетом даже в виртуальном пространстве. Предложенные в работе рекомендации по совершенствованию статуса потерпевшего, гармонизации законодательства об электронных доказательствах, развитию межгосударственного сотрудничества и обеспечению цифровой безопасности могут служить основой для дальнейших законодательных инициатив, научных дискуссий и практических реформ в государствах Содружества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом РУз от 22.09.1994 № 2013-ХII, с изм. и доп. по сост. на 09.11.2025) [Электронный ресурс]. - URL: <https://lex.uz/docs/111463> (дата обращения: 28.05.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2023. - № 1. - Ст. 8.
5. Федеральный закон от 25.12.2023 № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2024. - № 1. - Ст. 9.
6. Постановление Президента Республики Узбекистан от 03.09.2020 № ПП-4818 «О мерах по цифровизации деятельности органов судебной власти» [Электронный ресурс]. - URL: <https://nrm.uz/contentf?doc=633223> (дата обращения: 28.05.2026).
7. Указ Президента Республики Узбекистан от 07.02.2017 № УП-4947 «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» [Электронный ресурс]. - URL: <https://lex.uz/docs/3107042> (дата обращения: 28.05.2026).
8. Козубенко Ю.В. Уголовное преследование: опыт комплексного исследования / Ю.В. Козубенко. - СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. - 254 с.

9. Козубенко Ю.В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования / Ю.В. Козубенко. - Екатеринбург : УрГЮУ, 2018. - 184 с.

10. Прошляков А.Д., Козубенко Ю.В., Балакшин В.С. [и др.] Уголовный процесс : учебник для СПО / под ред. А.Д. Прошлякова. - М. : Норма, 2022. - 888 с.

11. Жмуров Д.В., Коробеев А.И., Протасевич А.А. Кибервиктимология. Первое национальное исследование. - Иркутск : Изд-во БГУ, 2021. - 214 с.

12. Майоров А.В., Назаров В.И. Виктимология: вчера, сегодня, завтра // Виктимология. - 2014. - № 1. - С. 6–12.

13. Майоров А.В. Виктимология цифровой преступности: концепция научного направления // Виктимология. - 2024. - Т. 11, № 1. - С. 7–12. - DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-1-7-12.

14. Кабанов П.А. Жертвы кибермошенничества как один из объектов современной кибервиктимологии: краткий статистический анализ показателей криминальной виктимности 2021–2022 гг. // Виктимология. - 2023. - Т. 10, № 1. - С. 17–28. - DOI: 10.47475/2411-0590-2023-10102.

15. Жмуров Д.В. Кибервиктимизация: оценка последствий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2023. - № 1. - С. 5–13. - DOI: 10.17150/2411-6122.2023.1.5-13.

16. Пастухов П.С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. - 2023. - Т. 1, № 1. - С. 270–295.

17. Кабанов П.А. Жертвы киберкраж как объект современной российской кибервиктимологии: криминологический анализ статистических показателей криминальной виктимности 2021–2022 гг. //

Виктимология. - 2024. - Т. 11, № 1. - С. 25–42. - DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-1-25-42.

18. Мусаев Г. Цифровые доказательства как направление в расследовании преступлений // Общество и инновации. - 2023. - Т. 4, № 4. - С. 132–138. - DOI: 10.47689/2181-1415-vol4-iss4-pp132-138.

19. Милицин С.Д. Учитель по имени Платон // Судебная власть и уголовный процесс. - 2020. - № 1. - С. 26–29.

20. Балашова А.А. Электронное уголовное дело: перспективы развития в уголовном судопроизводстве России // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 8 (183). - С. 311–312.

21. Никульченкова Е.В. Проблемы противодействия киберпреступности в России // Всероссийский криминологический журнал. - 2023. - Т. 17, № 4. - С. 345–356.

22. Власова С.В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2018. - № 1. - С. 9–18.

23. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело - инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. - 2015. - № 8. - С. 95–103.

24. Козубенко Ю.В. Особый порядок и особая истина в нормах-запретах уголовного судопроизводства // Российское право: образование, практика, наука. - 2015. - № 3. - С. 18–24.

25. Коробеев А.И., Жмуров Д.В. Кибервиктимология фейка: первичное досье // Вестник Томского государственного университета. - 2021. - № 471. - С. 250–257.

26. Кобец П.Н. Характеристика виктимологических проблем, обусловленных развитием технологий искусственного интеллекта // Виктимология. - 2024. - Т. 11, № 1. - С. 13–24.

27. Карцхия А.А., Макаренко Г.И. Правовые аспекты современной кибербезопасности и противодействия киберпреступности // Вопросы кибербезопасности. - 2023. - № 1 (53). - С. 58–74. - DOI: 10.21681/2311-3456-2023-1-58-74.

28. Козубенко Ю.В. О процессуальном значении актов о помиловании при производстве по уголовным делам // Российское право: образование, практика, наука. - 2022. - № 2. - С. 31–38.

29. Жмуров Д.В. Цифровая кража: понятие, содержание, жертвы и их классификация // Виктимология. - 2023. - № 1. - С. 34–48.

30. Акимбекова С.А. Актуальные вопросы цифровизации уголовного судопроизводства в государствах Евразийского пространства // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 9 (184). - С. 197–202.